

проблем нарушении устава и других проблемах. В заключение отметил: «Пока в решениях общества не будет выражаться мнение действительного, а не воображаемого большинства, пока не будет должного уважения к законным правам общества и отдельных его членов, до тех пор вступать в члены общества для охотника, действительно желающего улучшения охоты, не имеет никакого смысла. Пожелание же обществу этого благотворного кризиса, тогда когда его снова пополнятся и дело пойдёт хорошо».

Срыв первого года работы общества ударил по его авторитету среди казанских охотников-любителей. Если 1 января 1869 года в обществе охоты насчитывалось три почётных и 53 действительных члена, то к началу 1870-го число действительных членов сократилось до 13, неизменным осталось лишь количество почётных членов. Таков был результат необдуманных действий в первую очередь распорядителя Блюменталья, который провёл в почётные члены представителей казанского высшего общества, заручился их поддержкой и перестал считаться с мнением остальных. Выступление в печати Богданову «сильные мира сего» не простили и в дальнейшем постарались отомстить.

Модест Николаевич напишет профессору химии А.М. Бутлерову, перебравшемуся в 1869 году из Казани в Санкт-Петербург: «Не знаю, при Вас ли было годовое заседание здешнего общества охоты, которое, то есть общество, большая часть из нас покинула. Посылаю Вам наши брошюры (Янишевского и мою), как образчик того, что сделали немцы (консервативная группировка членов. – Ю.К.), заручившись поручительством почётных членов, в которых они хлопотали <...> Грустно, Бригадный дружеское прозвище, данное Бутлерову в кружке казанских охотников. – Ю.К.), что холопство всосалось у нас в плоть и кровь и не можем мы быть свободными людьми даже в таком деле, как охота».

С Бутлеровым у него сложились дружеские отношения, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении: один – прославленный учёный, второй – недавний выпускник университета. Летом 1870 года Богданов получил от профессора письмо о случае на тяге, когда низко летевший вальдшнеп на секунду присел к нему на шляпу, затем вспорхнул и отправился дальше. Профессор хотел выстрелить вслед, его собака нашла убитого дальноносого. Модест Николаевич опубликовал в «Журнале охоты и коннозаводства» заметку «Продолжи вальдшнепа», посчитав это действительно не соответствующим нравам этой птицы.

Не менее любопытная история произошла в Симбирской губернии, рассказанная журналом осенью. «На Волге, в двух верстах выше Сенгилея, в конце сентября, рабочими содержателя рыбных ловель, крестьянина Никиты Красильникова, пойман окотр, весом в 1 пуд 23 фунта с продетой в левую лапшу серебряною, вызолоченною серьгой, которая имеет на обеих сторонах следующие надписи: на одной: «Его императорское высочество, великий князь Константин Николаевич», и на другой «Саратов, 12-го июня 1870 года». Осётр этот выпущен обривом в Волгу, причём к его жабрам прикреплена на проволоке 20-копеечная серебряная монета чекана 1862 года».

С мая 1870 года Модест Николаевич носил звание приват-доцента, то есть внештатного преподавателя Казанского университета. Летом вновь отправился вниз по Волге для исследования птиц, населяющих её долину. Поначалу отправился на лодке, но вследствие бурь и ветров пересел в Саратове на пароход, чтобы ехать прямо в Астрахань.

Такие путешествия Богданов повторял не раз, делая остановки в разных местах. Компанию ему нередко составлял кто-нибудь из братьев Воейковых, имение которых располагалось в селе Самайкино Сызранского уезда. Однажды отправился на верховую прогулку вдоль Волги вместе с Александром Ивановичем Воейковым, уже известным климатологом. Они остановились на лесной даче графа В.П. Орлова-Давыдова под Сызранью и узнали от лесника, что неподалеку лежит сваленная ветром берёза, «а под ней земля горит». Проехали к указанному месту и обнаружили залежи гудронных песчаников. В 1873 году один из Воейковых организовал там асфальтовое производство.

Летом 1869 года в нескольких номерах «Журнала охоты и коннозаводства» печатался очерк Богданова «Охота в окрестностях Казани». Журнал был далёк от русской охоты, в нём преобладали переводы малоизвестных иностранцев об охоте на слонов, бизонов и носорогов. Неудивительно, что написанные со знанием дела и хорошим слогом материалы Модеста Николаевича привлекли внимание читателей.

На следующий год Министерство внутренних дел опубликовало проект новых правил о весенней охоте и выразило желание, чтобы русские охотники высказали свои замечания. Богданов поддержал запрет на стрельбу в бобров, косуль, оленей и лосей, поскольку «злейший враг их – человек и его оружие». Отметил, что самым страшным оружием для серой куропатки является шатёр. «Эту подлую сеть, истребляющую сотнями одну из лучших пород нашей дичи, следовало бы запретить самыми страшными мерами. В 30-ти верстах от Симбирска, в с. Елшанке есть крестьянин, вылавливающий с своими сыновьями каждую зиму до 2.000 и более куропаток».

По его мнению, настоящим бедствием для дичи была торговля ею весной; если не будет сбыта дичи, то исчезнет и промысел. «Поэтому торговлю дичью следует запретить по крайней мере до 15 июля, – утверждает он, – при этом запретить не только торговлю свежей, но вообще какую бы то ни было, хотя бы солёной дичью, потому что всю весну в некоторых городах продают свежих куропаток и тетеревов, выдавая их за отстреленных зимой и сохранённых будто бы на льду». Напомнил также о «злейших врагах нашей дичи», вовсе не упомянутых в проекте, куда относил волка, лисицу, хорька, норку, куницу, а также сокола, орла, ястреба, сову и филина.

К весне 1871 года Богданов закончил работу над магистерской диссертацией «Птицы и звери чернозёмной полосы Поволжья, долины средней и нижней Волги», которую напечатали в первом томе «Трудов Казанского общества естествоиспытателей». Он обрисовал изменение фауны Поволжья с конца третичного периода до современности, связав её с геологическими сдвигами, определившими

ход процессов почвообразования и распределения растительного покрова. После успешной защиты получил степень магистра зоологии.

В середине июня по поручению Казанского общества естествоиспытателей учёный отправился на Кавказ. Он посетил окрестности Порт-Петровска (ныне Махачкала), Хасав-юрта, Грозного, Владикавказа и Тифлиса (Тбилиси). Потом выехал в Ставрополь, совершил поездки в долины Кубани и Терек, побывал в селе Тарумовка. Здешние места славились обилием дичи, в ожидании кабанов на рисовых чеках он заболел тропической лихорадкой. В начале октября казаки вывезли его чуть живого через Порт-Петровск. После систематизации материала издал книгу «Птицы Кавказа» с описанием грифа белоголового, дятла черного, сарыча кавказского и других встреченных там птиц.

Общество естествоиспытателей пользовалось известностью не только в Казани. В сентябре 1871 года председатель Мамадышской уездной земской управы, что в 160 верстах от губернского города, прислал на имя президента Общества Н.А. Головкинского письмо «с приложением нескольких экземпляров червей, поедавших всходы». На заседании было постановлено передать червей в зоологический музей университета. В феврале 1872 года действительный член Общества Юрлов из Симбирска прислал лимон «весьма замечательной патологической редкости». В сопроводительной бумаге отметил: «Здесь по игре природы сочеталось вместе два плода двух совершенно различных пород растений (лимона и апельсина); так что кора этого плода принадлежит лимону, мякоть же апельсину; причем каждый из плодов сохраняет свои отличительные свойства: вид, вкус (кислоту в коре и сладость в мякоти) и проч.».

В соответствии с уставом Общество устраивало публичные лекции для жителей Казани по анатомии человека и другим естественным наукам, на которые собиралось более 600 человек. При подготовке к чтению лекций в 1871 году Богданов, по недостатку времени, отказался от чтения элементарного курса по зоологии. Но 22 декабря «решился предложить Обществу свои услуги для популяризации и проведения в публике тех результатов работ, которые до некоторой степени закончены, и думал хотя бы отчасти осуществить свою задачу, прочтя около 10 публичных лекций...».

Представленная им программа цикла лекций «О былом и настоящем высших (позвоночных) животных Европейской России» показывала не только историю русской фауны от Белого моря до Арало-Каспийской области, но и её современного состояния, хозяйственное использование и воздействие человека, включая звериный промысел и рыболовство. «Волжско-Камская газета» отмечает: «Судя по программе, опубликованной лектором (Богдановым. – Ю.К.), заслужившим уже почётную известность своими работами и сочинениями по зоологии, – эти чтения обещают быть особенно интересными».

С 1 января открылась подписка на слушание курсов, совет университета разрешил лекторам пользоваться помещением и необходимыми научными пособиями из музеев университета. Однако

14 января полицмейстер Мосолов прислал магистру зоологии Богданову бумагу о том, что «чтение публичных лекций допущено быть не может». Предлогом послужило то, что своевременно не было испрашено разрешение от попечителя Казанского учебного округа, а также согласие губернатора. Модест Николаевич остановил подписку на свои лекции и вывесил в кассе объявление, что чтение курса прикладной зоологии запретил губернатор и деньги будут возвращены.

Занимаемое Богдановым место приват-доцента не давало твёрдого материального обеспечения. Когда освободилась должность второго профессора по кафедре зоологии, то совет физико-математического факультета постановил сохранить вакансию для замещения специалистом по зоологии позвоночных, имея в виду Модеста Николаевича. Но во время его отъезда для защиты диссертации в столицу совет университета баллотировал на упомянутую должность гистолога Н.М. Мельникова, кандидатуру которого поддержал попечитель учебного округа.

В августе 1871 года, после перехода Вагнера по приглашению видного зоолога К.Ф. Кесслера в столичный университет вторым профессором на кафедру зоологии, Богданов пишет Бутлерову: «Новости здешние сообщать Вам нечего, так как вероятно они уже сообщены, но вместе с тем нельзя не пожалеть о будущем естественного разряда Казанского университета. С Вашей лёгкой руки начинается такая миграция профессоров, что, по меткому выражению одного моего знакомого, скоро останутся уже не сапоги, а только подошвы. Головкинский, Ковалевский и Вагнер! Кто еще останется после отъезда их? Судите сами. С отъездом этих лиц и мое положение принимает новый оборот».

Совет факультета пытался выхлопотать ему командировку за границу для подготовки к профессорскому званию, но в середине февраля 1872 года пришел отказ министерства из-за отсутствия средств.

После отъезда из Казани профессора геологии Н.А. Головкинского, бывшего президентом общества естествоиспытателей, деятельность общества приняла иное направление. Богданов попросил освободить его от обязанностей секретаря и казначея, в середине марта дела и кассу у него приняли. 24 марта на заседании слушали его заявление: «Откладывая до более удобного времени продолжение моих исследований на Кавказе, я намерен посвятить лето 1872 г. на исследование чернозёмных степей между Волгой и Уралом и лесов южного Урала. Не говоря уже о том, что это будет непосредственное продолжение моей прежней работы, результаты которой напечатаны в Трудах Общества, местность эта оказывается интересной в биологическом отношении, как один из уголков очень древней ковыльной степи, пережившей Ледниковый период <...> Для этих исследований необходимо до 300 руб., которые может быть Общество признает возможным ссудить мне».

В выделении средств на продолжение исследований Модесту Николаевичу было отказано. Учёный принял решение перебраться в Северную столицу и в конце марта с тяжёлым сердцем покинул Казань.

* * *

Вскоре после переезда Академия наук избрала Модеста Николаевича одним из хранителей своего зоологического музея, в котором он приводил музейные коллекции в порядок и собирал материалы для своих трудов. Как и в Казани, Богданов стал одним из самых деятельных членов Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, являлся бессменным секретарём зоологического общества. За зиму четыре раза выступал здесь с научными сообщениями, а весной 1873 года отправился в Среднюю Азию.

Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское царства неоднократно совершали грабительские набеги на окраины Российской империи. В июне 1865 года удалось захватить кокандскую столицу Ташкент и образовать Туркестанское генерал-губернаторство. Спустя три года был взят Самарканд, бухарский эмир признал протекторат русского царя. Теперь войска готовились нанести по ним одновременный удар с трёх сторон. В поход выступили более 12 тысяч солдат и офицеров при снаряжении, а в низовья Амурарьи из Аральского моря вышла военная флотилия. Командовал экспедицией туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант К.П. Кауфман.

Богданову предстояло вместе с войсками проехать в малоисследованные земли, ознакомиться с Хивинским оазисом и окружающей его пустыней. В конце февраля он покинул столицу и направился в низовьям Сырдарьи. По прибытии в крепость Кашанк оказалось, что колонна с лошадьми и верблюдами уже в пути. Вместе с проводником и предводителем учёный отправился вдогонку и через десять дней прибыл на Иркибай, где пятитысячный отряд задержали начавшиеся дожди.

Вместе с отрядом Богданову приходилось делать утомительные переходы через песчаные барханы и глинистые такыры, по многу часов не покидая седла, а сбор коллекций совершать во время коротких остановок. Как ни тяжело было терпеть изнуряющую жару и песчаные бури, не менее того мучила полнейшая неизвестность будущего пути. Сколько верст до желанной Амурарьи? Есть ли вода на пути? Эти вопросы задавал себе каждый в отряде и ответа не находил.

Богданов с помощником находились в авангарде отряда, так как стремились наблюдать ещё не потревоженную людьми живность. Удаляться от колонны опасались, дабы не столкнуться с хивинцами. Такое случилось 29 апреля, когда колонновожатые, два офицера с четырьмя казаками и пятью киргизами-проводниками, оторвались версты на сотторы от отряда. Неожиданно из-за барханов выскочила шайка всадников человек в полтораста и окружила колонновожатых со всех сторон.

«Наши не потерялись, быстро спешили по команде Н. А. И., и началась перестрелка, – пометит Модест Николаевич в путевом дневнике. – Хивинцы несколько раз бросались в атаку, но, встречаясь пулями казачьих винтовок и револьверов каждый раз отступали назад, и начали в свою очередь падать в наших из своих «мултуков» <...> Возясь с лошадьми, один из киргизов отделился от кучки и

тотчас же был зарублен хивинскими клычами (кривая азиатская сабля) <...> Как ни храбро держались наши, но положение семи или восьми человек среди массы нападающих с каждой минутой становилось отчаяннее. Оба офицера, два казака и один киргиз были уже ранены хивинскими пулями; остальных каждую минуту ожидала та же участь. К счастью, в двигавшемся отряде заметили огоньки выстрелов, и, ещё не поняв в чем дело, один казачий хорунжий с восемью казаками понесся вперёд полным карьером. Подскакав ближе и убедившись в том, что это действительно нападение, казаки прихлестнули коней и с криком «ура!» врезались в толпу хивинских всадников; те, озадаченные внезапностью нападения казаков и не рассмотрев их ничтожного числа, расступились в стороны, чем дали казакам возможность соединиться с осаждёнными. Началась усиленная перестрелка. Хивинцы сделали ещё попытку напасть, но были снова отбиты, и заметив, что уже от отряда бегут к месту боя стрелки, пустились наутек <...> Радость сияла на всех лицах, от генерала до солдата. Не жажда крови, боя, смерти виднелась в этой радости, нет, скорее жажда жизни, потому что, если хивинские войска были так близко от нас, то следовательно или в степи есть вода, или же близко сама Амурарья».

В последнем переходе длиной 60 вёрст были ещё схватки с хивинцами. В стычках участвовал и Богданов, которомугодились охотничьи навыки. После двухмесячных мытарств отряд вышел на берег Амурарьи. А 29 мая русские войска вошли в Хиву, откуда Богданов предпринял поездку в Кунья-Ургенч через Газават, Ташауз и Иляллы, подробно знакомясь с фауной долины Амурарьи. Его восхитила местная порода борзых тазый, на которых, как и на лошадях, отразился характер их хозяев-туркмен – превосходных зоотехников. «Я несколько раз пытался купить тазый у туркмена, – пишет он, – но всегда просили за собак, далеко не первого сорта, такие суммы, что я отступал со срамом».

Поход на Хиву закончился подписанием мирного договора, после чего отряд направился в обратный путь. К середине октября Богданов вернулся в Санкт-Петербург, привезённые материалы вызвали большой интерес в среде зоологов. Он был удостоен медали «За Хивинский поход», выпущенной в память о военной экспедиции.

С начала 1873 года Модест Николаевич возглавил редакцию «Журнала охоты и коннозаводства», с его приходом журнал «деревенских удовольствий» стал превращаться в научно-популярный. Но его участие в Хивинском походе прервало удачно начатую работу: корреспонденции с мест поступали слабо, номера выходили с большим опозданием. Редакция стала заполнять страницы пространной информацией о конных состязаниях и породах лошадей.

По возвращении из Средней Азии Богданов уже не мог уделять руководству журналом много внимания. Во-первых, он женился на О.Д. Шидловской; во-вторых, стал приват-доцентом столичного университета и начал читать курс биологии млекопитающих. Кроме того, приступил к подготовке большой Арало-Каспийской экспедиции. Уровень содержания журнала понизился, объём выпусков

сократился. С его отъездом весной 1874 года в экспедицию издание прекратило свое существование.

В этот раз общество естествоиспытателей направило в экспедицию группу молодых зоологов во главе с Богдановым. Планировалось, что О.А. Гримм и В.Д. Аленицын займутся исследованием морской фауны на Каспии и Арале, а Модест Николаевич примется за изучение сухопутной фауны полуострова Мангышлак и низовьев Амударьи вместе с только окончившим университет М.А. Бутлеровым, сыном друга-академика.

К концу октября участники Арало-Каспийской экспедиции вернулись в столицу, материалы исследований вышли как приложение к «Трудам Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей». На личной встрече с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом Богданов высказал свои соображения по хозяйственному освоению территории Средней Азии. В частности, рекомендовал использовать ценные качества туркменской и киргизской лошадей, которые отличались резвостью, выносливостью и неприхотливостью. Выдвинул идею переселения уральских казаков, как отличных рыболовов, на Амударью с целью разведения осетра, стерляди и белуги, для которых здесь имелись подходящие экологические условия. Генерал Кауфман так и сделал, причём с большой пользой для края.

В 1875 году Богданов с женой поехал за границу – Санкт-Петербургский университет командировал его для изучения коллекций в музеях Европы. Сначала супруги направились в Австрию, где учёный интересовался распространением чернозёма в придунайских землях и населяющим их животным миром. В Германии изучал орнитологическую коллекцию Зоологического музея Берлинского университета, посетил естественно-исторический музей в Штутгарте. Затем направился в Швейцарию, где ознакомился с коллекциями музеев Базеля, Лозанны, Невшателя. Думал также побывать на Британских островах, однако рецидив застарелой малярии заставил прервать командировку.

По возвращении из-за границы Модест Николаевич в университете читал курс орнитологии. Вокруг него сплотилась группа студентов, которые выделялись «редкой любознательностью и серьёзным, искренним отношением к науке». Спустя полтора года учёный был утверждён в должности штатного доцента университета, подготовил первую из трёх своих крупных орнитологических работ – монографию «Птицы Кавказа», где описал 323 вида птиц и места их обитания.

В апреле 1878 год журнал «Природа и охота» опубликовал статью Богданова «Тазый и киргизские борзые», посвященную охотничьим собакам Средней Азии, а в ноябрьском номере уже сам с интересом прочёл «Очерк современной охоты в Симбирской губернии». Его автор Денисов сетовал: «Главное горе всех симбирских охотников, – это бедность, или лучше сказать, совершенное отсутствие породистых собак; горе это отравляет нам всякое удовольствие». Через год на 6-й съезде русских естествоиспытателей Модест Николаевич выступил с докладом «О значении собаки в истории человечества». По его мнению, только благодаря собаке человек мог перейти от собирательства к охоте,

затем к приручению других животных, выйти из лесов и расселиться в степях, горах и пустынях, даже проникнуть на дальний Север.

На съезде он предложил послать экспедицию на север Европейской части России для изучения животного мира и условий его обитания. Профессор Вагнер возглавил первый отряд для изучения фауны и флоры Белого моря и Соловецких островов. Второй отряд во главе с Богдановым должен был исследовать фауну Кольского полуострова, птиц Мурманского побережья и рыб в этой части моря. Непосредственно Модесту Николаевичу было поручено изучить норвежский китобойный промысел и его влияние на русское рыболовство в прибрежных водах. Пароход, на котором он плыл в сторону Норвегии, попал в сильный шторм и был выброшен на берег в глухом районе. Только через месяц учёный сумел вернуться к ожидавшим его членам отряда.

В 1881 году вышла из печати его монография «Сорокопуты русской фауны и их сородичи», где показана эволюция сорокопутов и их постепенное расселение на материке. Это была докторская диссертация Богданова, рецензенты считали его научные работы «образцовыми по ясности изложения и умению живо передавать явления природы». Параллельно с разработкой систематики русских сорокопутов он представил в Академию наук план издания «Общей русской орнитологии». Первый выпуск увидел свет в 1884 году под названием «Перечень птиц Российской империи» на русском и французском языках.

После кончины профессора К.Ф. Кесслера Богданов был избран экстраординарным профессором, позднее назначен ординарным. Желая достойно отметить память старшего товарища и предшественника по кафедре зоологии, Модест Николаевич подготовил к печати биографию покойного. Книгу завершало стихотворение «Памяти К.Ф. Кесслера» за подписью «студент 60-х годов». Можно предположить, что написано оно самим Богдановым. Вот его заключительные строки:

Долго мы, – и наши внуки!
Будем черпать твой запас,
И пусть мирный труд науки
Единит и учит нас!

Помимо общества естествоиспытателей, Богданов принимал деятельное участие в работе Вольного экономического общества, Русского географического общества, Комитета грамотности и всевозможных комиссий. В 1885 году учёный основал Русское общество птицеводства, чтобы «содействовать развитию и улучшению птицеводства в России». Он был инициатором создания Санкт-Петербургского общества любителей породистых собак, первой кинологической организации в империи. Как первое, так и второе из упомянутых обществ проводили регулярные выставки и состязания своих питомцев, отбор и улучшение пород.

Богданов находил время и для литературного творчества. Более пятидесяти очерков и рассказов вышло из-под его пера, где художественная сила сочеталась с научной точностью и объективностью. Он выступал на страницах педагогического ежемесячника «Воспитание и обучение», в журнале «Родник» стремился передать детям свои знания и

наблюдения, научить понимать и любить природу. Многие из них издавались отдельными книжками, были допущены Министерством народного просвещения «в ученические библиотеки всех средних и высших учебных заведений, а также и в бесплатные народные читальни и библиотеки».

В 1883 году Богданов подготовил сборник очерков «Мирские захребетники» о живых существах, так или иначе связанных с жизнью человека и его бытием. «Мы только тогда обращаем на них внимание, когда они нам мешают спать, есть, заниматься делом, портят вещи или чересчур грабят нашу просянку», — пишет Богданов. — Постараемся узнать, кто с нами живёт; зачем поселились эти жильцы; что они делают; кто их друзья и враги и как они относятся к нам самим».

Сборник переиздавался более 20 раз. «Ничего подобного нет в русской литературе», — отметит журнал «Русская мысль». — Книги написаны замечательным учёным и, кроме того, написаны поэтично, талантливо. В них каждая строчка — золото, каждая страница — клад. По своей талантливости они стоят выше всякой похвалы».

Первым критиком и ценителем сочинений Богданова был его старший сын Дмитрий, которому он читал их вслух. На многих очерках и рассказах имеется посвящение младшему сыну — Олегу.

С годами здоровье учёного становилось всё хуже. Сначала он вынужден был оставить место хранителя музея Академии наук, в 1885 году прекратил чтение лекций. Университет дал ему командировку на Кавказ, предполагая, что в тёплом климате он сможет работать и поправить свое здоровье. Однако повышенная влажность дурно повлияла на него, врачи посоветовали скорее уехать.

С марта по октябрь 1887 года Богданов прожил в родной Сызрани, где насчитывалось около 20 тысяч жителей, имелись публичная библиотека и земская больница. Модест Николаевич встречался с родственниками, гулял по живописным окрестностям и замечательно поправился.

Осенью Богданов вернулся в столицу таким бодрым, каким его давно не видели. Возобновил лекции в университете, взялся за научную работу, включился в деятельность созданных при его участии обществ. Но приступы тяжёлой болезни вскоре возобновились. На страницах «Родника» появились три его очерка, последний из них под названием «Глухарь» Модест Николаевич диктовал уже

Дом, в котором жил и умер М.Н. Богданов (Васильевский остров, 2-я линия, д. 37).

будучи прикованным к постели. Однако надеялся выздороветь, выйти в отставку, уехать на родину и писать для детей и народа.

4 марта Модест Николаевич почувствовал себя совсем плохо. Дома был только старший из трёх сыновей, десятилетний Дмитрий; больной скончался на его руках. В последний путь Богданова провожала большая толпа народа, студенты несли на руках гроб от университета до Александро-Невской лавры. Было много цветов, тёплых речей, некрологов в русских и зарубежных изданиях.

Сочинения Богданова, не вошедшие ранее в сборник «Мирские захребетники», после смерти автора его друг и соратник Вагнер собрал и издал под названием «Из жизни русской природы». Книга пользовалась не меньшей любовью читателей, чем «Мирские захребетники». Основу ее составляют очерки из жизни зверей и птиц, причём некоторые, как например «Леший», «Охота в симбирских садах», «На косых», целиком построены на воспоминаниях детства. В простой и занимательной форме Модест Николаевич дал ответы на многие вопросы любителей природы, нарисовал целые картины из жизни обитателей лесов и полей, ярко описал их повадки и нравы. «Вестник Европы» заметит, что «детской литературе редко достаётся счастье иметь для себя такое талантливое и вместе авторитетное в науке перо».

